

Афинах в 415 г. до н.э.» (с. 245), а также «... облегчить дальнейшие занятия тем, кто глубже заинтересуется судьбой афинского оратора и его сограждан в самую трагическую для них эпоху на рубеже V–IV вв. до н.э.». Комментарии служат прекрасным подспорьем при чтении и изучении речей: в них даются необходимые пояснения исторических реалий, шире представлен исторический контекст, обращено внимание на риторические приемы и особенности ведения ораторской речи. К достоинствам комментариев необходимо отнести приводимые переводчиком фразы из текста подлинника в спорных случаях, когда он как бы предлагает читателю участвовать в решении сомнительных мест (например, с. 199, прим. 11). При этом в комментариях обязательно есть ссылки на источники и материалы других авторов.

Издание снабжено «Указателем имен и географических названий», научным аппаратом, а также подробной библиографией по основным четырем разделам: «Издание речей Андокида», «Литература об Андокиде и его речах», «Литература о процессах святотатцев в Афинах в 415–413 гг. до н.э.», «Аттические стелы».

В заключение еще раз хотелось бы отметить несомненную историческую и филологическую ценность издания (впервые опубликован полный перевод всех речей, представлены параллельные свидетельства, эпиграфические документы и материалы), безукоризненный как с литературной, так и с риторической точки зрения перевод речей, высокий уровень комментариев и научного аппарата. Нелишним кажется также отметить превосходное качество издания, которым на протяжении вот уже почти пяти лет радует и читателей, и авторов санкт-петербургское издательство «Алетейя».

А.А. Качалкин

Ch.J. SMITH. Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000 to 500 B.C. Oxf., 1996. 290 p.

Монография доктора Кристофера Джона Смита посвящена истории Лация и Центральной Италии от конца бронзового века до конца VI в. до н.э. Используя археологический материал, оказавшийся в распоряжении исследователей в последние два–три десятилетия, а также новые теоретические модели его интерпретации, автор стремится представить раннюю историю Рима и Лация в контексте истории Центральной Италии (включая Кампанию и Этрурию) в соответствии с направлением современной историографии, именуемым «региональная история».

Монография К. Смита состоит из двух частей. Первая охватывает период от конца бронзового века до начала VI в. до н.э., вторая – посвящена VI веку. Если для первой части основным источником являются археологические свидетельства, то во второй используются также данные письменной традиции, но только как дополняющие и разъясняющие археологический материал. Наличие литературной исторической традиции, фиксирующей события VI в. (и даже более раннего времени) не является, с точки зрения автора, основанием для отнесения VI века к историческому времени в сравнении с предшествующим доисторическим периодом. Грань между доисторией и историей не может быть установлена без решения проблемы о степени достоверности письменных сообщений о Риме и Лации.

Из всех археологических памятников автор отдает предпочтение погребальным комплексам, поскольку погребальная практика тесно связана с характером и структурой общества, практикующего тот или иной тип погребений. Поэтому первая часть монографии сводится главным образом к детальному рассмотрению погребального материала из основных некрополей, таких, как Тор де Ченчи, Остериа дель Оза, Кастель ди Дечима, «Царские» гробницы в Пренесте, погребения в Лавинии. Археологический материал из этих некрополей позволил автору поставить следующие вопросы: каким было микенское влияние на развитие итальянских регионов; какова стадияльная принадлежность общества создателей культуры Виллановы; в каком направлении развивались Этрурия, Альбанские холмы, Рим и Лаций в целом; какова степень карфагенского и финикийского влияний на эти процессы.

В исследовательской литературе микенское влияние на развитие различных итальянских

регионов считается общепризнанным фактом¹. Это влияние было особенно ощутимым в Южной Италии и на Сицилии, способствуя развитию поселений этого региона в направлении протогородских структур уже в конце II тыс. до н.э., чего нельзя сказать о Центральной Италии и Лации, где влияние культуры поздней бронзы было минимальным². Иная ситуация сложилась в Этруррии, которая стала проводником культурных традиций эпохи поздней бронзы на Лаций и Центральную Италию, но оказалась не готовой к тому, чтобы уже в конце II тыс. до н.э. совершить определенный скачок в социальном развитии, ведущий к формированию протогородской структуры.

В истории Лация начала железного века автор выделяет две проблемы. Одна из них связана с появлением нового обряда погребения: наряду с кремацией стала распространяться ингумация. Традиционно этот факт объяснялся изменением этнической ситуации. Применительно к Риму появление ингумации связывалось с присутствием сабинян. К. Смит обращает внимание на то, что новый обряд погребения стал доминировать не только в Лации, но во всем регионе, включая Кампанию. Значит, изменения в погребальной практике имели не этническую, а социальную природу и были вызваны стремлением обозначить присутствие в некрополе определенной социальной группы.

Другая важная проблема – неравномерность развития поселений в пределах Лация. Наблюдается упадок поселений на Альбанских холмах, а отток населения с этой территории стал фактором роста поселений в других районах Лация и изменений в структуре поселений на Притибрских холмах. Однако автор опасается использовать этот факт как доказательство исторической основы римской легенды об основании Рима выходцами из Альбы Лонги. Уменьшение важности Альбанских холмов соотносится, по справедливому наблюдению автора, с развитием районов, расположенных вдоль речных и сухопутных торговых путей, обходящих малодоступные застройки на холмах. Выбор места поселения обуславливался уже не столько его защищенностью, сколько возможностью контроля над естественными ресурсами. В этом отношении территория будущего Рима выгодно отличалась от Альбанских холмов. В самом Риме к концу IX в. до н.э. отдельные поселения объединились вокруг единого некрополя, и наметился перенос захоронений с Форума и района Палатина к Эсквилину. Этот процесс, по мысли К. Смита, положил начало эволюции Рима в сторону протогородской структуры.

Однако данное утверждение автора выглядит слишком категоричным, так как появление первых могил на Эсквилине еще не означает прекращения погребений на Форуме. По оценкам некоторых исследователей, прекращение погребений на Форуме относится только к 600 г. до н.э. и связано с превращением Форума в центр, вокруг которого группировались поселения на отдельных холмах³.

Материал раскопок в Остериа дель Оза позволяет автору монографии следующим образом представить уровень социального развития Лация в IX в. до н.э.: население делилось по возрасту, полу, общественной роли и по членству в какой-либо группе. Погребальный ритуал фиксирует эти характеристики. В целом же общество остается стабильным и консервативным.

В VIII в. до н.э. экспансия финикийцев и греческая колонизация в западном направлении превратили все Средиземноморье в единую торговую зону. Последствия этого не могли не сказаться на Лации. Непосредственное присутствие финикийцев и греков в этом районе Апеннинского полуострова, по мнению Смита, не зафиксировано, а иноземная экзотика попадала в Лаций из Этруррии. Тем не менее контакты с греко-финикийским миром, хотя и опосредованные, открывали возможности для престижного потребления и стимулировали развитие аристократического общества в Лации. «Царские» гробницы в Пренесте указывают на аристократию, четко отделившую себя от остального общества и установившую связи за пределами общины.

Обширный археологический материал, относящийся к древнейшей истории Лация и Рима, Смит анализирует по трем параметрам: предметы роскоши и их социальная роль, свидетельства об экономическом развитии Лация, данные о развитии латинского общества.

Производство и потребление предметов роскоши, социальная роль которых менялась от эпохи к эпохе, обозначило определенные явления общественной жизни региона от X до конца VII в. до н.э. Часть предметов роскоши представляла собой пиршественную утварь,

¹ Историография этого вопроса изложена в кн.: Маяк И.Л. Рим первых царей. М., 1983. С. 78–83.

² К. Смит приходит к выводу об отсутствии надежных свидетельств микенской культуры в Лации (с. 29). Иное решение данного вопроса приводится у И.Л. Маяк (Ук. соч. С. 85 сл.).

³ Ogilvie R.M. Early Rome and the Etruscans. Atlantic Highlands. Humanities Press, 1976. P. 31.

что свидетельствует, по убеждению автора, о распространении в Лации уже в последние десятилетия VII в. практики, аналогичной греческому симпозию. Социальная значимость симпозиа как средства консолидации определенной социальной группы – аристократии – стала предметом изучения в последнее время⁴. Опираясь на уже сделанные в науке выводы, К. Смит трактует археологические свидетельства о распространении пиров на территории Центральной Италии и Лация как показатель формирования аристократического общества и аристократического этоса. Роскошная жизнь аристократии с конца VII в. основывалась на систематической эксплуатации человеческих ресурсов общества. Престижное потребление сказало также и на изменении архитектурного облика поселений: в VII в. каменные дома заменяют хижины, и к VI в. практика каменного строительства стала широко использоваться не только в частных, но и в общественных постройках, что свидетельствует уже о высокой степени организации общественного труда.

Экономическое развитие Лация рассматривается в монографии на фоне установления многочисленных связей по типу «центр – периферия» в рамках Средиземноморья. Современные теоретические модели экономического развития и международной торговли в древности обогащают археологические свидетельства, с которыми работает автор. Экономические процессы, проходившие в Лации до начала VI в., справедливо увязываются Смитом с развитием Центральной Италии в целом, которая, хотя и являлась периферией средиземноморской торговой сети, значительно воздействовала на развитие Лация.

Вторая часть монографии посвящена VI в. до н.э. Здесь автор привлекает археологический материал из трех самостоятельных районов, которые тем не менее образуют культурно-историческое единство: это – Лаций, Этрурия и Рим. Меняется и методика интерпретации археологического материала: свидетельства материальной культуры соединяются с письменными свидетельствами – литературными и документальными. В центре внимания находятся три проблемы: социальная структура Лация и Рима, отношения между Лацием и Римом, религиозная организация Лация.

Эти проблемы имеют длительную историю изучения. Начиная с Г. Нибура, А. Швейглера и Т. Моммзена исследователи пытаются найти историческое зерно в легендах, которыми окутана древнейшая история Рима. Эти легенды обрели законченную литературную форму в «Истории Рима» Тита Ливия. А потому воссоздание истории архаического Рима неизбежно превращалось в критику ливиянской традиции, причем, как правило, она основывалась на внутренней критике литературного текста. Археологическое изучение Центральной Италии, Этрурии, Лация и самого Рима предоставило в распоряжение исследователей критерий определения достоверности римской исторической традиции. Легендарная история Рима и Лация подтверждалась и корректировалась одновременно⁵. К. Смит предпринимает еще одну попытку в этом направлении, которая основывается на бережном отношении к литературной традиции и тщательном анализе археологического материала.

Престижное потребление, которое прослеживается уже по некрополям VIII в., достигает своего апогея в конце VII – начале VI в., но в дальнейшем идет на спад: в течение VI в. богатые погребения становятся редкостью. Тем не менее, по мысли автора, этот факт не дает оснований говорить об экономическом упадке Рима и Лация в VI в. и даже в V в. до н.э., который часто увязывается с постепенным закатом этрусского могущества и последовавшим в конце VI в. изгнанием этрусской династии из Рима⁶. В Риме и в Лации в VI в. наблюдается новое явление – строительство храмов, которое продолжается и в V в. н.э. Этот факт означает для К. Смита, что престижное потребление не сократилось, а лишь изменило форму. Монументальное строительство свидетельствует и о контроле над трудовыми ресурсами общины, что тесно связано с эволюцией ее социальной структуры – с оформлением стабильного слоя аристократии.

Аристократическая природа общества отразилась в таких институтах, как *gens*, *curia* и *sodalitas*. К проблеме *gens* автор обращается в монографии дважды. В первый раз, когда исследует материал из некрополей VIII в. до н.э. «Царские» гробницы в Пренесте, по мнению автора, демонстрируют существование коллектива *gentiles*, который включал несколько разросшихся семей. Но между подобными коллективами и гентильными образованиями, известными по литературной исторической традиции, не прослеживается прямой связи.

⁴ Symptotica. A Symposium on the Symposium / Ed. O. Murray. Oxf., 1990.

⁵ Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxf. Univ., 1965; Gjerstad E. Legends and Facts of Early Roman History. Lund, 1962.

⁶ Staveley E.S. Roman Forms of Government // Civilization of the Ancient Mediterranean: Greece and Rome. V. 1 / Ed. M. Grant, R. Kitzinger. N.Y., 1988. P. 497.

Второй раз К. Смит говорит о римских *gentes* применительно к VII–VI вв. до н.э. Римские *gentes* этого времени представляют собой социальные группы, сложившиеся в результате взаимодействия между аристократическими семьями Лация. Именно им принадлежали гробницы и дворцы конца VII–VI вв. Однако между этими обладателями дворцов и *gentes* раннереспубликанского времени, по его мнению, тоже не отмечается преемственности. В конечном счете остается непонятным, что же представлял собой римский род (*gens*): был ли он преемником гентильных групп предшествующего времени или это искусственная конструкция раннереспубликанского времени. Возможность последнего, хотя и не бесспорного, варианта уже отмечалась в научной литературе⁷.

О куриях К. Смит говорит, опираясь в основном на работу Р. Палмера⁸, и не добавляет ничего нового к уже известному. Более подробно автор монографии останавливается на проблеме *sodalitates*. Он не предлагает однозначного толкования данного термина и того социального института, который за ним скрывается: это может быть и группа воинов и группа сотрапезников, связанная с практикой симпозия, широко распространенной в средиземноморских обществах в архаическую эпоху⁹. Действительно, изучение всего комплекса источников, в том числе и юридических, содержащих информацию о *sodales*, позволяет предположить, что термин *sodalitas* применялся к самым разнообразным формам объединения людей¹⁰. Для автора монографии важно то, что *sodalitates* являются аристократическими по своей природе и свидетельствуют об оформлении аристократического слоя в общинах Лация:

Одновременно с оформлением более устойчивого аристократического слоя происходило расширение территории Рима, что сказалось на динамике внутривнутриполитических процессов в самом Риме. Результатом этих процессов стало усиление римской армии, которое неизбежно должно было привести к конфликту с латинами. Урегулирование отношений Рима с общинами Лация вывело эти отношения на правовой уровень. Материальные свидетельства (наличие большого количества оружия в погребениях, остатки укреплений в латинских центрах и в Риме), ярко выраженные военные черты культа Марса, два праздника, связанные с победами армии (триумф и Римские игры) – все это говорит о важности войны в жизни Рима VI в. до н.э. В силу этих обстоятельств К. Смит склонен принять традиционную датировку военной реформы Сервия Туллия, однако цель реформ, с его точки зрения, должна быть пересмотрена. Автор справедливо делает акцент на неразделенности военной реформы и введения нового административного деления Рима и его окрестностей на основе территориальных единиц. Известно, что в 17-ти сервиевых сельских трибах главенствовали *gentes*, которые дали свои имена этим округам. Военное предприятие рода Фабиев, упоминание о котором сохранилось в исторической традиции (Liv. II. 50.11; Dionys. IX. 22; Plut. Camil. 19), позволяет говорить о том, что *gentes* как военные подразделения защищали территорию своей трибы, а значит, и города Рима. Реорганизация территории Рима и его окрестностей, предпринятая Сервием Туллеем, дала возможность теснее привязать сельскую округу к городу и таким образом гарантировать постоянное пополнение римской армии. По всей видимости, цель Сервиевой реформы сводилась не к включению плебеев в военную организацию, а к тому, что теперь каждая триба должна была выставлять определенное количество центурий из членов *gentes* и подвластных им людей – клиентов. Это позволяет ответить на важные для понимания истории архаического Рима вопросы: во-первых, почему складывание военной организации привело к укреплению аристократических *gentes* и объяснить их роль в военной организации и в государстве; во-вторых, чем вызвано быстрое поглощение Римом территории Лация в течение V в. до н.э., изображенное традицией как победоносное шествие римской армии. Автор монографии обращает внимание на то, что аристократия вновь занимаемых районов Лация была связана с римской через браки, институт гостеприимства и обмен подарками, а также через религиозные союзы. В этом случае процессы, характерные для Рима VII–VI вв. до н.э., мало чем отличались от тех, которые хорошо исследованы на материале Греции того же времени¹¹.

Постоянные связи между аристократическими семьями отдельных общин в границах Лация выдвинули для Рима в качестве альтернативы поглощения территории соседей

⁷ *Ranoul P.-Ch. Recherches sur le patriciat* (509–366). P., 1975.

⁸ *Palmer R.E.A. The Archaic Community of the Romans*. Cambr., 1970.

⁹ *Rathje A. The Adoption of the Homeric Banquet in Central Italy in the Orientalizing Period* // *Symptica...* P. 279.

¹⁰ *Копанов Л.Л. Законы XII Таблиц и проблема sodales* // *Античность Европы*. Пермь, 1992. С. 21.

¹¹ *Murray O. Early Greece*. Oxf., 1993. P. 41.

заклучение с ними союзных договоров. Первым случаем подобных отношений является договор Рима с Габиями, который греческий историк Дионисий Галикарнасский (IV. 58) назвал исполнителю. Можно предположить, что уже в это время закладывались основы латинского права. *Ius conubii* и *ius commercii*, которые регулировали родственные отношения Рима и латинских поселений, создавали единое экономическое пространство в границах Лация. Картина дополняется наличием таких прав, как *ius migrations* и *ius exilii*, которые давали возможность жителям латинских общин свободно менять места проживания, не теряя гражданских прав в родной общине и не становясь метеками в другой.

К наблюдениям К. Смита можно добавить, что особенно отчетливо ощущается открытость латинского общества в VII – начале V в. до н.э. в сравнении с ситуацией, возникшей уже во второй половине V в. до н.э. Так, изгнанный из Рима М. Фурий Камилл обосновался у ардеатов и считал их своими новыми согражданами (Liv. V. 44.1). Но, чтобы вернуться в Рим, ему потребовалось получить официальное постановление народа, которое признавало его снова римским гражданином (Liv. V. 46.10).

С аристократической природой латинского общества автор связывает существование религиозных лиг, которые символизировали общинное единство на стадии дополисной организации. Но оформление гражданского самосознания неизбежно должно было привести к конфликтам как внутри лиг, так и между ними.

В рассмотренной монографии К. Смита можно отметить следующие положительные моменты: он критически подходит к оценке микенского влияния на Лаций; по-иному оценивает социально-экономическую ситуацию в Риме в период изгнания этрусской династии, соотносит социальное и политическое развитие Лация с аналогичными для архаической Греции процессами, подчеркивая в то же время своеобразие латинского общества. Правда, остается не ясной позиция автора в таких дискуссионных вопросах раннеримской истории, как *gens* и *curia*. Тем не менее, комплексное использование археологических свидетельств и литературной традиции для воссоздания истории архаического Лация оказалось весьма плодотворным. Лаций предстает перед нами как однородный в социальном, политическом и культурном отношениях регион, который не остался в стороне от радикальных преобразований, проходивших в Средиземноморье в конце бронзового и в начале железного веков.

Монография снабжена обширным библиографическим списком и двумя приложениями. Первое включает в себя публикацию более тридцати эпиграфических памятников конца VII – начала V в. из Рима и Лация с переводом и комментариями. Большая часть этих надписей сохранилась на керамических изделиях или их фрагментах и содержит имена владельцев или посвящения богам. Несколько надписей сделаны на металлических предметах (на бронзовой вазе из Пренесте, на спине железного льва из С. Омобон, на бронзовой таблице из Лавиния с посвящением Диоскурам) или вырезаны на камне (надпись на стеле римского Форума, известная в науке как *Lapis Niger*, надпись из храма Матер Матуты в Сатрике и на пьедестале неизвестного предмета из Тиволи). Во втором приложении собраны археологические и письменные источники об основных поселениях Лация, которые упоминаются в тексте монографии.

О.В. Сидорович

© 1999 г.

Einleitung in die griechische Philologie / Hrsg. von Heinz-Günther Nesselrath¹. B.G. Teubner. Stuttgart – Leipzig. 1997. XVI. 773 S.

Изданный осенью 1997 г. рецензируемый том вместе с вышедшим за полгода до того сходным по плану «Введением в латинскую филологию»² составляет, по замыслу издателей, две части «Введения в науку о древности» – «Einleitung in die Altertumswissenschaft» (как оно обозначено на контртителе), призванные заменить известный под тем же названием сводный труд под редакцией А. Герке и Эд. Нордена (первое издание вышло в 1910 г., последующие перепечатки отдельных разделов предпринимались в 20–30-х годах). Необходимость в такой замене очевидна: за истекшее с тех пор почти полное столетие накопилось огромное количество нового материала, которое если и не изменило полностью образ

¹ Имена издателя на титульном листе предшествуют фамилии 25 авторов отдельных разделов, которые будут указаны ниже, при обзоре содержания тома.

² Einleitung in die lateinische Philologie / Hrsg. von F. Graf. 1997. X. 726 S.